

Короленков А.В.

Город в сочинениях Саллюстия

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3178>]

[Публикация работы:]

Короленков А.В. 2010: Город в сочинениях Саллюстия // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Ярославля / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ч. I. Ярославль, 91-94.



НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ

ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND



РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES



НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH



ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Диалектика «отцовских отношений», как она представлена у Софокла, вписывается в общую тематику эτικο-политических учений второй половине V в. Это нашло отражение в учениях софистов, в трудах «отцов истории» Геродота и Фукидида, в трагическом искусстве Эсхила и Еврипида, в комедиях Аристофана, в ранних диалогах Платона (назидательные наставления Сократа отпрыскам богатеньких афинских аристократов).

А.В. Короленков
(г. Москва, Россия)

Город в сочинениях Саллюстия

Тема восприятия города в трудах Саллюстия, насколько известно, ещё не служила предметом специального исследования, что уже само по себе определяет актуальность данной работы.

1. *Терминология.* Естественно, сам город Рим именуется только *urbs* (Cat. 6.1; 18.8; 29.1; 30.4 и 7; 52.35 etc.). Слово *oppidum* в «Заговоре Катилины» вообще не используется, а в «Югуртинской войне» термин *urbs* ни разу не употребляется в отношении Рима, который там именуется либо по своему названию, либо *civitas*, что, естественно, означает у Саллюстия *par excellence* гражданский коллектив (4.5 и 9; 39.1; 40.4; 41.3 и 10)¹.

В то же время слово *urbs* многократно применяется к другим городам: тем, которые завоевывали в незапамятные времена персы, афиняне, спартанцы (Cat. 2.2) и сами римляне (7.7). Так именуются и многие города в Африке – пункты, захваченные Югуртой у Адгербала (Iug. 13.2; 20.8), финикийские колонии Гиппон, Лептис, Гадрумет (19.1), занятая Метеллом Вага (48.1) и в то же время осаждённая, но не взятая им же Зама (56.1; 61.1), столица Нумидии Цирта (81.3) и др. Весьма употребителен и термин *oppidum*: это Фирмида, где Югурта убивает Гиеспала (12.3); Сутул, который осаждает Авл Постумий Альбин (37.3); захваченная Метеллом в результате блестящей операции Тала (75.1) и Марием – Капса (89.4); в *oppida* живут армяне, мидяне и ливийцы (18.9); так поименованы и финикийские города, прежде принадлежавшие карфагенянам, а во время Югуртинской войны – римлянам (19.7). Но вот что обращает на себя внимание: Цирта, которая как выше упоминалось, относится к числу *urbs*, дважды названа и *oppidum* (26.1; 81.3); то же касается и Ваги (47.1; 29.4). То есть, когда речь идет о крупных иноземных городах, *urbs* и *oppidum* для Саллюстия взаимозаменяемы; любопытно, что вышеупомянутая Тала названа *oppidum magnum atque opulentum*, а Капса – *oppidum magnum atque valens*; равным образом в обоих случаях можно было бы употребить слово *urbs*.

2. *Отношение к городу* у Саллюстия двойственно. В «Заговоре Катилины» он пишет следующее: «Город Рим [...] основали и вначале населяли троянцы [...], а с ними и аборигены, дикие племена, не знавшие ни законов, ни государственной власти, свободные и никем не управляемые (*sine legibus, sine imperio, liberum atque solutum*). Когда они объединились в пределах городских стен (*in una moenia convenere*), то [...] слились воедино с лёгкостью, какую трудно себе представить». Причём далее говорится не только о том, что увеличилось число граждан, но и улучшились нравы (*postquam res eorum civibus, moribus, agris aucta satis prospera satisque pollens videbatur*) (6. 1–3). Нельзя не заметить, что роль городской жизни в данном случае оказывается положительной.

Иная ситуация в «Югуртинской войне». В Северную Африку прибывают персы, мидийцы и армяне. Они «переплыли на судах в Африку и заняли края, лежащие у нашего моря; но персы держались ближе к берегу Океана. Они пользовались килевыми днищами перевёрнутых кораблей как шалашами, потому что в тех землях не имелось [подходящего] материала, и купить или обменять его у испанцев возможности не было (*quia neque materia in agris neque ab Hispanis emundi aut mutandi copia erat*). Бескрайние просторы моря и незнание языка препятствовали торговле» (18. 5–6)². В конце концов персы слились с гетулами, а мидяне и армяне, смешавшись с ливийцами, образовали народ мавров. Последние стали возводить города (*ique mature oppida habuere*), повели мено-

Автор выражает сердечную признательность Е.В. Смыкову, И.Е. Сурикову и И.Г. Гурину за ценные замечания и советы при работе над статьёй.

¹ Любопытно, что В.О. Горенштейн переводит *civitas* не только как «гражданская община» или «согрядане», но даже просто как «люди» (Iug. 41.3; *Саллюстий Крисп Гай*. Сочинения. М., 1981. С. 64).

² Пер. В.О. Горенштейна с изменениями.

вую торговлю с Испанией, от которой их отделял лишь пролив (18.9). Персы же начали завоёвывать ближайшие к Карфагену земли, т.е. Нумидию, и овладели в итоге большей частью внутренних районов Африки (*Africae pars interior pleraque*), тогда как другие африканские земли захватили мавры (18. 11–12). Любопытные наблюдения в связи с изложенным сделал Р. Морштейн-Маркс: ведь если говорить об аборигенах, то гетулы превосходят ливийцев; между тем они жили южнее, тогда как ливийцы – ближе к Африканскому морю (18.9). Что же касается пришлых народов – армян, мидийцев и персов, – то первые и вторые, как уже говорилось, повели торговлю и построили города, а третьи ни тем, ни другим не занялись и даже перевернули корабли вверх днищами. При этом именно персы оказались самыми доблестными из числа пришельцев³. Таким образом, не только близость цивилизации, но и занятия коммерцией, и городской образ жизни производят пагубное воздействие, а те, кто от них избавлен, обретают превосходство⁴. Считал ли Саллустий отказ персов – будущих нумидийцев – отказом от норм цивилизованной жизни, что они продемонстрировали превращением кораблей в жилища, когда перевернули их днищами вверх?⁵ Это вполне возможно, поскольку писатель вообще склонен изображать нумидийцев более примитивным народом, чем они были на самом деле, представляя их кочевниками, чем-то вроде геродотовских скифов. По его словам, нумидийцы здоровы, быстры, выносливы, едят для утоления голода, а не ради чревоутодия и т.д. (17.6; 89.8)⁶. Но всё относительно – если бы нумидийцы служили римлянам, то они, по видимому, были бы в их глазах почти идеальным народом, однако стоило им поднять оружие против Рима – и их достоинства превратились в восприятия Саллустия в недостатки. В то же время он показывает, как далеко зашла урбанизация в Нумидии⁷. Как уже отмечалось, не раз и не два писатель называет нумидийские города *urbes* (48.1; 56.1; 61.1; 81.3) и особо отмечает значение тех или иных городов (47.1; 48.1; 75.1; 89.4).

3. *Expugnatio urbium*. Здесь мы подходим к ещё одной теме – взятия города, что является одним из любимых сюжетов античной литературы⁸. К. Вретска пишет, что Саллустий избегает драматических подробностей при описании взятия городов, столь свойственных эллинистической историографии⁹. Весьма кратко сказано о захвате Югуртой – Цирты, Метеллом – Талы, Марием – Капсы. И хотя в первом и третьем случаях упоминают о массовой резне (Iug. 26.3; 91.6), а во втором – о самосожжении перебежчиков вместе с добычей (76.6), драматических подробностей не приводится¹⁰. Зато весьма детально описана неудачная осада Замы, поскольку она позволяет продемонстрировать душевные качества Метелла, благоразумно решившегося на отход в условиях, которые не сулили победы, и отметить растущую роль в событиях Мария¹¹. В связи с этим хотелось бы отметить ошибочность суждений Г. Брешии при анализе его штурма войсками Мария мулуцкской цитадели. Она видит в описании Саллустия «эскалацию насилия»; перед на-

³ Уместно вспомнить о рассказе Геродота о Кире, который посоветовал персам переселиться в более благодатные края, ибо не может одна земля порождать и удивительные плоды, и доблестных воинов (*Hdt.* IX. 122). У Саллустия же персы хотя и переселяются, но стараются не делать условия своего быта намного более комфортными.

⁴ *Morstein-Marx R.* The Myth of Numidian Origins in Sallust's African Excursus (*Jugurtha* 17.7–18.12) // *AJP.* Vol. 122.2. 2001. P. 180–183.

⁵ *Wiedemann Th.* Sallust's 'Jugurtha': Concord, Discord, and the Digression // *Greece and Rome.* 2nd Ser. Vol. 40. 1993. P. 52.

⁶ Налицо распространённая уже и в римской литературе того времени под влиянием эллинистической традиции некоторая идеализация не испорченных цивилизацией варваров – вспомним цезарево упоминание о бельгах, наиболее доблестных из всех галлов, поскольку наиболее удалены от римской провинции с её *cultus* и *humanitas* и от торговцев, «которые привозят то, что способствует изнеженности души» (*B.G.* I. 1. 3).

⁷ *Schmal S.* Sallust. Hildesheim; Zürich; New York, 2001. S. 100.

⁸ См., напр.: *Hose M.* Die Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart; Leipzig, 1994. S. 80–83.

⁹ *Vretska K.* Studien zu Sallusts Bellum Jugurthinum. Wien, 1955. S. 152. Вспомним, как Полибий критиковал Филарха за склонность к таким подробностям в ущерб выяснению причин случившегося (II. 56. 6–10).

¹⁰ В случае с Циртой сказано лишь об избитии всех, кто попался с оружием в руках (*uti quisque armatus obvius fuerat*), а с Талой – о том, что перебежчики вместе с собой сожгли драгоценности (*aurum atque argentum et alia, quae prima discurrunt*). Любопытно, что и убийство Югуртой Гиемпсала также описано безо всяких драматических подробностей в духе эллинистической историографии (Iug. 12. 3–6; *Büchner K.* Der Aufbau von Sallusts Bellum Jugurthinum. Wiesbaden, 1953. S. 9) – для сравнения можно взять хотя бы убийство Гераклиды, дочери Гиерона у Ливия (XXIV. 26).

¹¹ См.: *Короленьков А.В.* Образ Мария у Саллустия // *ВДИ.* 2008. №4. С. 94–95, 110 (с указанием литературы).

ми, по её мнению, предстаёт «сцена настоящего избиения»¹². Однако автор, подробно изображающий наглость и хвастливость нумидийцев, удар штурмовой группы с тыла и бегство врагов, далее обрывает описание – избиение осаждённых даже не упоминается, хотя, конечно, это умолчание по принципу *sunt tacent clamant*.

И всё же есть оно исключение – взятие нумидийцами Ваги (Iug. 67). Здесь Саллюстий неожиданно подробно – римляне безоружны, ворота заперты, женщины и дети бросают на них с крыш камни. И хотя побеждённые ничем не доказали своей доблести¹³, Саллюстий не без напыщенности констатирует: «Храбрейшие не смогли дать отпор слабейшим (*neque a fortissimis infirmissimo generi resisti posse*)» (67.2). Удвляться не приходится – на сей раз речь идёт о римлянах, а не о коварных нумидийцах, истребление которых даже вопреки законам войны автор оправдывает (91.7 – избиение сдавшихся жителей Капсы)¹⁴.

Поэтому вполне логично, что сдержанное изображение взятия городов характерно для «Югуртинской войны», где такой подход, на первый взгляд, менее уместен. Иная ситуация в «Заговоре Катилины». Вот как описываются планы заговорщиков: «И они, по слухам, были распределены так: Статилий и Габиний с большим отрядом одновременно подожгут Город в двенадцати удобных местах, дабы вызванной этим суматохой облегчить доступ к консулу и другим людям... Цетег осадит двери в доме Цицерона и нападёт на него с оружием в руках; каждый убьёт указанного ему человека; сыновья, живущие в семье, главным образом из знати, убьют своих отцов; затем, когда резня и пожары приведут всех в смутнение, они прорвутся к Катилине (*alius autem alium, set filii familiarum, quorum ex nobilitate maxima pars erat, parentis interficerent*)» (Cat. 43.2). Цезарь так описывает бедствия, сопряжённые со взятием Города: сенаторы, по его словам, «перечисляли ужасы войны, выпадающие на долю побеждённых: как похищают девушек и мальчиков, как вырывают детей из объятий родителей, как замужние женщины страдают от произвола победителей, как грабят храмы и частные дома, устраивают резню, поджоги – словом, всюду оружие, трупы, кровь и слёзы» (*saedem, incendia fieri, postremo armis, cadaveribus, cruore atque luctu omnia conpleri*) (51.9)¹⁵. Однако словами дело не ограничивается – жители Рима ведут себя очень эмоционально, словно враги уже в Городе: «Всех неожиданно охватила печаль: люди торопились, суетились, не доверили достаточно ни месту, ни человеку¹⁶ [...] каждый измерял опасности степень своей боязни. В довершение всего женщины, охваченные страхом перед войной [...] убивались, с мольбой воздымали руки к небу, сокрушались о своих маленьких детях [...], не рассчитывали ни на себя, ни на отечество (*patriaeque diffidere*)» (31.1–3).

Получается своего рода инверсия: в «Югуртинской войне», где города берут не раз и не два, а потому яркие описания как будто вполне уместны, их почти нет, а в «Заговоре Катилины», где с *urbis Roma* ничего не происходит, их немало. Объяснить это можно, по-видимому, не только отсутствием у Саллюстия сочувствия к нумидийцам, чьи города обычно и берут в «Югуртинской войне», но и тем, что сами подобные описания не вызывают у Саллюстия сочувствия ввиду их риторического характера – сам он может очень скупыми средствами изобразить страшные сцены войны (Iug. 92.3). Недаром Цезарь описывает ужасы захвата Города с нескрываемой иронией, поскольку это игра воображения перепуганных сенаторов – неопытные заговорщики на практике оказываются не способными на столь серьёзные действия, каких от них ожидают. Поведение столь же перепуганных жителей Рима *expressis verbis* не оценивается, но вряд ли Саллюстий одобряет то, что они перестали надеяться на отечество – как показали события, напрасно. Таким образом писатель стремится передать страхи, царившие в Городе¹⁷. И это, по-видимому, один из штрихов к грандиозной

¹² Brescia G. La 'scalata' del Iuguro. Saggio di commento a Sallustio, *Bellum Iugurthinum* 92–94. Bari, 1997. P. 135–140.

¹³ Более того, Саллюстий всячески подчёркивает их беззащитность (Koestermann E. Kommentar // Sallustius Crispus. *Bellum Iugurthinum*. Heidelberg, 1971. S. 252–253).

¹⁴ Для сравнения возьмём хотя бы драматическое описание Ливием резни в Энне, учинённой Л. Пинарием и его воинами, которую римский автор не решается оправдать (XXIV. 39. 4–7). Правда, надо учесть, что речь идёт об избиении не «диких» нумидийцев, а «цивилизованных» греков.

¹⁵ Описание это восходит ещё к Гомеру (II. XXII. 62–65; McGushin P. C. Sallustius Crispus, *Bellum Catilinae*. A Commentary. Leiden, 1977. P. 245).

¹⁶ *neque loco neque homini cuiquam satis credere*. Налицо явное словесное и ситуационное сходство с текстом Iug. 72.2, где говорится о напуганном заговорами Югурте: *neque loco neque mortali cuiquam aut tempori satis credere*.

¹⁷ В некоторых изданиях после слов «обо всём расспрашивали» (*rogitare omnia*) на основе цитаты из Саллюстия у Фронтона в Cat. 31.3 идёт фраза «каждый слух приводил [жителей Города] в трепет» (*omni rumore pavere*). См.: McGushin P. Op. cit. P. 182–183.

картине падения нравов, которая занимает его воображение, ибо немислимо себе представить, чтобы так вели себя доблестные maiores. Но это уже тема другого исследования.

П.Н. Лебедев
(г. Москва, Россия)

Провинциальные города в представлениях римских историков III-IV вв. н.э.

Городской фундамент цивилизации представлялся античным авторам настолько самоочевидным, что специально на этом вопросе в античной литературе не останавливались¹. Относительно же исследования проблем античного урбанизма, выходящего за рамки изучения отдельных городов или межгородских торговых связей². Трудно не согласиться с тем, что ситуация не изменилась в корне за прошедшее время, так что историки и археологи преимущественно «задают городам те же вопросы»: насколько большой, как много, какие памятники, каковы объёмы торговли, какие товары, etc. Не подвергая сомнению важность данных направлений исследования, мы предлагаем рассмотреть вопрос из сферы «восприятия городского»: об общих закономерностях и характерных особенностях описания городов римских провинций, которые представлены в сочинениях римских историков III-IV вв. («Римская история» Кассия Диона Коккейяна, «История императорской власти после Марка» Геродяна, «О Цезарях» Секста Аврелия Виктора и *Scriptores Historiae Augustae*).

Большинство упоминаний провинциальных городов в сочинениях римских авторов представляет собой приведение одного только названия (без сопровождения понятием *πόλις*, *urbs*, *oppidum*, *civitas* etc.), что в описании событий играет роль своеобразного пространственного маркера. Города отмечаются как место рождения того или иного деятеля (со II в. н.э. императорами всё чаще становятся выходцы из провинций), в них останавливаются императоры, там готовятся к военным походам, через них проходят войска, при городах происходят битвы, их осаждают etc. Как можно заметить, основная часть таких упоминаний встречается при повествовании о путешествиях императоров или военных действиях. Реже встречаются более подробные замечания, когда описание городов сопровождается сведениями об их состоянии или характеризующими определениями, т.е. когда город выступает не как топоним, но как образ. В ряде случаев можно наблюдать достаточно развернутое изображение того или иного города, обычно – центра провинции (Александрии Египетской, Антиохии в Сирии, Византия, Карфагена, Афин etc.)³.

Примечателен тот факт, что в рассматриваемых сочинениях не обнаруживается какой-либо явной градации типов городов (по размеру, значению, влиятельности) помимо различия в подробности описания. Вероятно, данное различие является косвенным выражением представлений авторов о различиях в статусе и положении городов империи. У греческих авторов лишь в единичных случаях встречается не *πόλις*, но *πόλις* или *πολίχνη* (e.g. *Dio* XLI.51.4). Относительно латинских источников можно заметить, что использование терминов *urbs*, *civitas* и *oppidum* в большинстве случаев не связано с какими-либо особенными характеристиками обозначаемого города (величина, уровень развития). В SHA один и тот же центр может именоваться поочередно двумя или тремя из указанных терминов (в одном и том же значении, e.g.: *SHA Avid. Cass. IX.1* и *Pius IX.2*; *Prob. XIII.8* и *XV.3*; *Aur. XXII.5* и *XXII.6*; *Heliog. VII.7* и *VII.8* etc.). Употребление разных понятий в данном случае представляется возможным объяснить стилистическими причинами, а также индивидуальной манерой письма авторов. Например, наиболее часто употребляемое в отношении провинциальных городов в SHA понятие *civitas* Аврелия

¹ *Finley M.I. The Ancient City: From Fustel de Coulanges to Max Weber and Beyond // Comparative studies in society and history, 1977. Vol. 19. No. 3. P. 305; Boatwright M.T. Hadrian and the Cities of the Roman Empire. Princeton, 2002. P. 18-19.*

² *Finley M.I. Op. cit. P. 325.*

³ Достаточно развернутый перечень названий городов, описания которых наличествуют в источниках времён империи, см.: *Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. СПб., 2000. Т. 1. С. 137-139.*